

Псков, послевоенные годы...

Об убийстве полузащитника смоленского клуба «Труд» Аркадия Зацепина начальник псковской милиции узнал одним из первых. Случилось это потому, что по соседству с Корневым этажом ниже проживал со своей женой Алевтиной тренер местного футбольного клуба «Спартак» Егор Митрофанович Лопатин — высокий сухопарый мужик шестидесяти трех лет.

Егор Митрофанович называл себя коренным ленинградцем, точнее, петербуржцем, и чрезмерно гордился этим, так как имел на это полное право. Он родился в городе на Неве, да еще при старом режиме, участвовал в штурме Зимнего, воевал в Гражданскую, пережил блокаду и только после этого вместе с женой перебрался в послевоенный и полуразрушенный Псков. Так и не дождавшись с войны обоих сыновей, погибших при освобождении Кракова и Варшавы, Лопатин потускнел, осунулся и стал год от года превращаться в живой ходячий скелет. Именно смерть сыновей, а если говорить

точнее, не сама смерть, а две сложенные треугольным конвертиком бумажки — две «похоронки» сыграли свою отрицательную роль в жизни Лопатина и изменили его, можно сказать, до неузнаваемости.

Этим вечером Корневу не спалось. Он просидел в кресле, читая книгу, до глубокой ночи, а когда улегся в кровать, в его дверь кто-то довольно громко постучал. Корнев вздрогнул и тут же занервничал. Неужели случилось что-то серьезное и прибыл посылный из управления?

Степан Ефимович накинул халат, сунул ноги в шлепанцы и подошел к двери. Увидев на пороге соседа, Корнев выругался:

— Ну сколько можно, Митрофаныч? Опять глаза залил?

— Только собираюсь, — угрюмо ответил незванный гость.

Когда-то рослый и подтянутый Лопатин, игравший в начале двадцатых правым полузащитником в составе «Меркура», являвшегося действующим чемпионом и обладателем Кубка Петрограда, сегодня, мягко говоря, довольно мало походил на заслуженного деятеля спорта. Сутулая спина, осунувшееся дряблкое лицо, покрытое морщинами, и отечные белесые глаза стали последствием чрезмерных возлияний, которым в последнее время был подвержен Егор Митрофанович.

Любовь к бутылке, равно как и потеря сыновей, пошатнули здоровье Лопатина и за последние несколько лет практически превратили его в самого обычного доходягу. Добела поседевшие волосы, торчащие в разные стороны, и дрожащие руки дополняли этот образ, равно как и облачение некогда именитого футболиста. На Лопатине были надеты вытянутая майка, спортивные штаны с вытянутыми коленками и пиджак. У потрепанных тапок, в которые гость был обут, висела бахрома из перетершихся ниток, а на правой тапке на месте большого пальца еще и зияла дыра размером с целковый. Бывало, что Лопатин не пил по полгода, пропадая с утра до ночи на стадионе. Там он нещадно гонял своих подопечных и заставлял их пахать до седьмого пота. Но если уж Егор Митрофанович «понюхал пробку» — то все, пиши пропало.

Указав на боковой карман пиджака гостя, который тот придерживал рукой и из которого торчало закупоренное свернутой бумагой горлышко бутылки, Корнев сдвинул брови и строго спросил:

— Опять свою вонючую самогонку принес? Говорил же тебе, не буду я с тобой пить! Язва у меня!

— Не ругайся, Ефимыч! Не хочешь пить — не пей! Мне же выпить, ну... просто необходимо! Беда у меня случилась, товарищ полковник! Да...

— Ну и чего же случилось, что ты ко мне за полночь явился? — пряча рукой зевоту, поинтересовался Корнев.

— Да уж случилось!

— Ну, заходи, раз такое дело. — Корнев впустил гостя в дом и тут же почувствовал едкий запах сивухи. — Опять с Алевтиной своей поцапался?

— Да нет, сосед. Тут не в бабе дело. Тут все гораздо серьезнее. — Шлепая тапками, Лопатин прошел на кухню, взял с полки граненый стакан, достал из кармана бутылку и откупорил ее зубами. Наполнив стакан доверху, мужчина маленькими глотками выпил его содержимое, утер ладонью губы и уселся на табурет.

— Понимаешь, тут такое дело... — Лопатин чихнул, утер нос рукавом и уставился на Корнева своими белесыми глазами. — Дело тут такое... тьфу ты, зараза! Короче, такое дело... Одним словом, только ты мне сейчас помочь можешь, Степан Ефимыч!

Корнев взял второй табурет и уселся напротив гостя.

— Давай уже по сути, а то спать пора!

— Хорошо! Давай по сути! Два часа тому назад архаровцы твои Шамана моего повязали.

Брови Корнева сдвинулись еще сильнее:

— И чего же он натворил на этот раз?

— В том-то и дело, что ничего! Просто, как это обычно бывает, попал в струю. А теперь ни мне, ни

ему уже не отвертеться. Ваши мне сказали, что на этот раз уж точно Мишку моего упекут... и упекут на долгий срок. Сто тридцать шестая... червонец моему парню светит, так-то! — Лопатин икнул. — А без Мишки... плакали все мои надежды на победу в очередном чемпионате!

— Червонец, говоришь! Он что, убил кого-то?

— Так в том-то и дело, что не убивал, а только все теперь на него думают! Да вот ты послушай...

*Пятью часами ранее
в Летнем саду...*

В двух кварталах от стадиона «Локомотив», где несколько часов назад состоялся товарищеский матч двух футбольных команд — смоленского клуба «Труд» и псковского «Спартака», в самом центре Летнего сада находился парк аттракционов. Возле него располагалась огороженная сеткой-рабицей площадка, поросшая кустами и деревьями, утыканная верандами, увитыми плющом.

Парк радовал посетителей своими аллеями, гипсовыми фигурами, здесь когда-то располагался народный театр, вмещавший до полутора тысяч зрителей. В девятисотом году сюда приезжал со своей труппой великий Дуров, здесь же во все времена играли военные оркестры, певцы и фокусники радовали посетителей своими умениями за символическую плату в несколько копеек. В годы оккупации арки и гипс-

совые фигуры почти полностью были разрушены, однако в послевоенные годы парк начал оживать и постепенно вновь обрел свою прежнюю красоту и привлекательность. Сейчас здесь, в самом центре парка возле аттракционов, поставили танцевальную площадку, где по вечерам обычно собиралась молодежь. Сегодня здесь, посреди разросшихся зарослей сирени и маньчжурского ореха, было особенно многолюдно. Из старого репродуктора звучала музыка, пары кружились, стремясь не задеть друг друга: парни и молодые мужчины в широких брюках и рубашках с распахнутым воротом; девицы и женщины в ситцевых платьях, блузках и юбках из ярких набивных тканей, шифона, крепдешина и креп-жоржета, в шляпках и беретах, с разноцветными лентами и бантами в волосах. На деревьях по всем трем просматриваемым сторонам танцплощадки, как нахохлившиеся воробьи, уселись коротко остриженные мальчишки, которых по причине их малолетства не удосужилась пустить внутрь пожилая билетерша в строгом сиреневом жакете и в роговых очках.

Обычно мужчины здесь были нарасхват, и девушки, которым не хватало кавалеров, объединялись в пары и без всякого стеснения танцевали друг с другом. Однако именно этим вечером нехватки кавалеров на танцплощадке не наблюдалось. По-

мимо завсегдаев из числа местных ребят сегодня танцплощадку наполнили два с лишним десятка рослых и подтянутых парней из числа столкнувшихся на поле стадиона «Локомотив» футболистов из спортивного смоленского клуба «Труд» и местного «Спартак». В упорной борьбе на поле псковичане проиграли со счетом четыре — пять, оттого многие спартаковцы, явившиеся сегодня в Летний сад, недобро поглядывали на своих бывших противников, держались вместе и перешептывались. Гости же вели себя менее сдержанно, непрерывно болтали, шутили и беспрерывно кружили местных девчонок в вальсах и фокстротах, украдкой попивали пиво и громко смеялись.

Отдельную группу составляли несколько расхлябанных местных парней, сгрудившихся напротив выхода и стоявших в самой неосвещенной части площадки. Самому старшему из них на вид было не больше двадцати, и он в отличие от своих приятелей выглядел более опрятным. Время от времени этот парень подходил к державшимся особняком футболистам псковского «Спартак».

Как уже упоминалось, на вид ему было около двадцати. Высокого роста, крепкий и плечистый; своими габаритами он не уступал большинству «спартаковцев», несмотря на то что большинство из них были на вид гораздо старше его по возрасту.

Чернявый, кареглазый и стройный — этот симпатичный и статный паренек в широких крепдешиновых брюках с подтяжками и в серой кепке-букле на первый взгляд вел себя легко и непринужденно. При этом он то и дело обменивался взглядом со стоящей в окружении нескольких девиц зеленоглазой девушкой в фиалковом платье в стиле свинг. О девушке, на которую то и дело бросал смелые взгляды кареглазый, пожалуй, следует сказать особо.

Красные туфельки «Мери Джей» на высоком каблучке, пурпурный бант в волосах — сказать, что она была красивой, значит не сказать ничего. Пышные светлые волосы, спадающие на плечи, зеленые глаза, горящие дерзким чарующим огоньком, пухлые губы и выгнутые коромыслом брови были способны свести с ума любого, даже самого изощренного ценителя женской красоты. Большинство представителей сильного пола, стоящих на площадке, смотрели на эту девушку украдкой, однако наш кареглазый не относился к их числу. Он время от времени кивал зеленоглазой красавице, что-то показывал жестами и улыбался. Однако улыбка тут же исчезла с лица кареглазого парня, как только он увидел среди всей этой стоящей, шумящей и вальсирующей толпы еще одного дерзкого смельчака, который тоже откровенно пожирал взглядом красотку в фиалковом платье а-ля свинг.

Это был высокий шатен с пышными, чуть выющимися волосами, зачесанными назад; в светлом костюме и начищенных до блеска туфлях-оксфордах. Лет тридцати, широкие скулы, высокий лоб. Голубоглазый уже давно сверлил взглядом светловолосую красавицу в платье а-ля свинг.

Все, кто побывал на сегодняшнем футбольном матче, не могли не знать этого голубоглазого красавца, считавшегося лучшим бомбардиром смоленского клуба «Труд». Юрий Липницкий, игравший под номером «десять» и забивший в ворота псковской команды целых три мяча, явился в Летний сад одним из последних и сегодня еще ни разу не вошел в круг и так никого и не пригласил на танец. Многие из присутствующих давно уже поняли, почему он это делает. Липницкий определенно выбирал удачный момент, чтобы пригласить на танец зеленоглазую красавицу, с которой он все это время не сводил глаз. Как только кареглазый парень с «розой» на руке увидел, как Липницкий смотрит на девушку, он тоже все понял, тут же подошел к девушке, взял ее за руку и чуть ли не силком отвел в сторону.

Состоялся разговор. Эти двое явно ссорились. Как только девушка высвободила руку, она тут же что-то тихо процедила насевшему на нее парню, после чего отвернулась и вновь присоединилась к своим непрерывно наблюдавшим подругам. Тут-то Липницкий

и вступил в игру. Он подошел к девушке, склонил голову и в очередной раз улыбнулся ей:

— Простите, я уже давно за вами наблюдаю, горю желанием к вам подойти, но решился только сейчас. Как я заметил, вы еще ни разу не входили в круг танцующих. Вы не танцуете вообще или просто пока не нашли себе достойного партнера?

Девушка смерила Липницкого оценивающим взглядом:

— Вы предлагаете в качестве партнера себя?

— А почему бы и нет? Не бойтесь, ноги вам я не отдавлю!

Девушка улыбнулась:

— Сегодня я была на игре! Это ведь, кажется, благодаря вам все наши футболисты ходят мрачными и скрипят зубами?

Липницкий расправил плечи:

— О, боже! Такая красавица, да еще и разбирается в футболе?

— Я не разбираюсь в футболе! В нем разбирается один мой хороший знакомый!

— Уж не о том ли юноше идет речь, — с некоторой долей надменности поинтересовался Липницкий, — который только что хватал вас за руки?

Девушка перевела взгляд на стоявших в сторонке местных парней, встретила холодный взгляд своего дружка и снова повернулась к Липницкому:

— Все местные хулиганы называют его Шаманом! Здешние ребята не отличаются кротостью и смирением и просто боготворят нашего Мишаню! Именно поэтому я вам настоятельно не советую его злить!

— Как мне помнится, он тоже играет в «Спартак», именно он сегодня тоже забил три гола в наши ворота...

— И забил бы больше, если бы один из ваших не сбил его с ног!

Липницкий громко рассмеялся:

— И после этого вы говорите, что не разбираетесь в футболе? А впрочем, довольно! Давайте уже познакомимся, в конце-то концов. Меня зовут Юрий.

Липницкий протянул руку, девушка ответила на рукопожатие.

— Меня зовут Олеся! Олеся Купревич! А моего друга зовут Михаил Ярушкин. Но, как я уже говорила, многие зовут его Шаманом, в первую очередь его дружки.

— Они тоже спортсмены?

— Обычная дворовая шпана.

— Получается, что ваш друг общается и с футболистами, и с местными хулиганами?

— Все так и есть. И повторяю вам еще раз: не стоит его недооценивать. Он хорош не только в футболе, но и, как рыба в воде, чувствует себя в любой потасовке и любит пускать в ход кулаки. Вы ведь, разумеется, видели, что он сегодня учинил на поле...

В глазах Липницкого сверкнули гневные огоньки:
— Я взрослый мужчина. Я воевал, а ваш Шаман, или как его там, еще совсем мальчишка. Впрочем, как и все его дружки.

Глаза Купревич сузились:

— Ну... раз вы такой смелый, тогда идemте танцевать. И не забудьте про свое обещание.

— Какое обещание?

— Не отдавить мне ноги.

Липницкий рассмеялся, протянул девушке руку, и вскоре они уже кружились под ласкающую слух мелодию Севастопольского вальса.

Часть первая

ШАМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда Корнев позвонил Звереву и попросил того зайти к нему в кабинет, Павел Васильевич дописывал квартальный отчет. Выслушав просьбу начальника псковской милиции, Зверев сказал лишь:

— Угу...

После чего дописал страницу, убрал бумагу в сейф, запер его на ключ и поднялся на второй этаж. Войдя в приемную, он на ходу послал воздушный поцелуй хорошенькой секретарше Корнева Леночке Спицыной и положил ей на стол конфету «Гулливер».

— Чего этому ворчуну опять от меня понадобилось? — поинтересовался Зверев, на что Леночка лишь пожала плечами, добавив вполголоса:

— Там у него Кравцов и еще какой-то мужик...

— Что за мужик?

Леночка сморщила свой хорошенький носик и все так же шепотом заявила:

— Такие обычно возле пивнушки ошиваются.

Зверев беззвучно рассмеялся и без стука вошел в кабинет начальника милиции.

Корнев сидел в своем кресле мрачный и явно не выспавшийся. По левую руку от полковника сидел старший следователь Виктор Константинович Кравцов, хмурый седеющий мужчина средних лет. Напротив Кравцова, скрючившись, сидел Егор Митрофанович Лопатин, попахивающий перегаром и с красным одутловатым лицом. На этот раз на тренере псковского «Спартак» был надет относительно сносный коричневый костюм, ворот полосатой рубашки был стянут засаленным галстуком темно-бордового цвета, узел которого был сильно перетянут.

— Познакомься, Паша! Это некогда известный спортсмен, а ныне тренер нашего прославленного «Спартак»... — указав на Лопатина, заявил Корнев, но Зверев не дал ему договорить:

— А по совместительству твой сосед!

— Что? — Корнев дернулся. — А ты откуда его знаешь? Ты же у нас вроде не болельщик.

— Я его не знаю, и я действительно не болельщик, однако знаю, что вы с ним соседи.

— Но откуда? Я вроде тебя с ним не знакомил!

Зверев фыркнул и уселся за стол напротив Лопатина.

— Видел его как-то в тапочках и майке, он лежал на лавочке возле твоего подъезда. Данный товарищ мирно спал, обнимая бутылку «Агдама» и храпя так, что его храп я услышал сразу же, как только вошел во

двор! Отсюда я сделал вывод, что если данный гражданин имеет привычку отдыхать на лавке возле твоего подъезда обутом в тапки, значит, явно он живет где-то поблизости, а значит, является твоим соседом. Ладно, говори, чего звал, да я обедать пойду.

Корнев хмыкнул, строго посмотрел на Лопатина, сутулый тренер виновато потупился и опустил голову. Степан Ефимович покачал головой и нервно продолжил:

— Ну что ж, в сообразительности тебе, Пал Василий, не откажешь, а теперь перейдем к делу. Тебе, очевидно, уже известно, что вчера в Летнем саду возле танцплощадки случилась массовая драка?

— Известно. Там еще футболиста подрезали, вроде как насмерть. У кравцовского кабинета целая толпа собралась. — Зверев подошел к стоящему у стены дивану и бесцеремонно на нем развалился.

Корнев кивнул Кравцову и продолжил:

— Ты прав, Виктор Константинович уже занимается этим делом, поэтому я и попросил его рассказать нам, что там да как.

Кравцов тяжело вздохнул и довольно резко начал:

— Сразу скажу, что мне с этим делом уже все в принципе ясно, и я не понимаю, зачем отрывать Павла Васильевича от дел, но раз вы так решили, товарищ полковник...

— Витя, давай без лишней болтовни, говорю же, я жрать хочу. Время обеда, а я сегодня еще не завтракал, — отрезал Зверев.

— Без лишних так без лишних, — проворчал Кравцов. — Одним словом, вчера к нам в дежурную часть позвонила женщина и сообщила о массовой драке с поножовщиной. Когда группа приехала на место происшествия, нас уже встречали местный участковый и несколько постовых сотрудников местного райотдела, они-то нам и сообщили, что в кустах, на месте, где произошло побоище, обнаружен труп. Убитый — футболист из Смоленска Аркадий Зацепин. Причина смерти — ножевое ранение в области спины! Уголовное дело уже заведено, и сегодня утром я уже опросил большую часть свидетелей. Главный подозреваемый Михаил Ярушкин, игрок местного «Спартака», спустя пару часов после драки был задержан в своей квартире и доставлен в КПЗ. Очевидцы показали, что это он затеял драку возле танцплощадки. Обнаруженный на месте преступления нож со следами крови потерпевшего доставлен в лабораторию. Думаю, в ближайшее время наши криминалисты нам о нем что-нибудь сообщат.

Кравцов посмотрел на Лопатина, тот тут же оживился:

— Простите, товарищи, но произошла чудовищная ошибка. Мишка же... он ни в чем не виноват. Это

только на первый взгляд он хулиган и драчун, а на самом деле он очень хороший парень...

— Хорошие парни тоже иногда убивают людей. Если для этого у них появляется повод, — заявил Кравцов и поправил очки, однако Лопатин продолжал стоять на своем:

— А еще мой Мишка очень талантливый! Он у нас в команде самый молодой, но играет как заведенный. Он лучший нападающий нашего клуба. Да что там клуба? Мишка — лучший нападающий города, а то и области! Я уверен, что спустя год-другой он выведет наш «Спартак» в следующую группу...

— Боюсь, что следующий год-другой, а также третий и четвертый, и еще несколько последующих... ваш мальчик проведет за решеткой! — заявил Кравцов. — Лично мне по этому делу все предельно ясно...

— А началось-то все с чего? — уточнил Зверев.

— Накануне днем на стадионе «Локомотив» состоялся товарищеский матч между псковским «Спартаком» и смоленским клубом «Труд». Спартаковцы уступили с разницей в один гол. Ярушкин забил три мяча в ворота соперника и, как считают многие, мог бы забить и больше! Однако вышло так, что, когда Ярушкин в очередной раз пошел в атаку, его ударили по ногам. И сделал это не кто иной, как Аркадий Зацепин.

— Это тот, которого нашли мертвым?

— Да. Так вот, Ярушкин, упав возле самой штрафной, тут же вскочил и набросился на Зацепина с кулаками. Ярушкин был удален с поля, а в сторону ворот смолян был назначен пенальти. Штрафной удар выполнял второй нападающий «Спартака» Трофимов, однако он не смог отличиться и угодил в штангу! В результате псковская команда проиграла со счетом четыре — пять! Большинство болельщиков и игроков считают, что, если бы Ярушкин остался на поле, итог игры был бы другим. Ярушкин, по словам очевидцев, сильно рассердился и на Трофимова, не сумевшего реализовать штрафной, и на судью, который удалил его с поля за некорректное поведение, и наверняка затаил нешуточную обиду на Зацепина, ударившего его по ногам, так что мотив для убийства у него был. Вечером после игры вся смоленская команда отправилась на танцы в Летний сад. Туда же явились и игроки нашего «Спартака». В результате чего Ярушкин затеял драку с одним из смоленских футболистов. К их поединку подключились сначала дружки Ярушкина, а потом и все футболисты обеих команд. Когда драка переросла в настоящее побоище, в ходе общей неразберихи под шумок Ярушкин выждал удобный момент и ударил Зацепина ножом.

Лопатин тут же замахал руками:

— Да что вы такое несете, молодой человек? Какой еще такой мотив? Какое там — «под шумок»? Все же было совсем не так...

— И нож, конечно же, тоже не его? — не без ехидства спросил Кравцов.

— Нож — его! Я этого и не отрицаю. Более того, нож этот в свое время я подарил Шаману.

— Ну вот! — оживился Кравцов. — Значит, у нас уже не три, а четыре свидетеля...

— Каких еще три свидетеля?

Кравцов повернулся к Корневу:

— Опросив нескольких игроков «Спартака», участвующих в драке, удалось выяснить, что обнаруженный на месте убийства нож принадлежит Михаилу Ярушкину! Три человека опознали нож как принадлежавший Ярушкину. Получается, что наш гость уже четвертый.

Лопатин вскочил:

— Я против Мишки давать показания не буду!

— Дело ваше. Трех свидетелей нам вполне хватит.

Лопатин не унимался:

— То, что нож действительно Мишкин — это факт. Но он еще ничего не доказывает.

Кравцов покачал головой, потом встал, подошел к столу Корнева, схватил с его стола телефонную трубку и набрал номер:

— Леонид Валерьевич?.. Ты?.. Есть что по вчерашней поножовщине?.. Так... — выслушав собеседника, Кравцов явно оживился, повесил трубку и вернулся на свое место. — Я только что позвонил в лабораторию и разговаривал с нашим экспертом. Он подтвер-

ждает, что обнаруженные на найденном ноже капли крови той же группы, что и у убитого Зацепина, а отпечатки на ноже совпадают с отпечатками пальцев Ярушкина.

— Да как же так? — Лопатин плюхнулся на стул.

Кравцов весь сиял:

— Что тут еще рассуждать? Я прекрасно понимаю, что вы не хотите терять перспективного игрока, тем не менее все еще его выгораживаете.

Брови Лопатина сдвинулись еще сильнее, щеки покраснели еще сильнее:

— Мишка никого не убивал!

— Да почему вы так в этом уверены?

— Мишка Шаман не просто мой лучший игрок, он мне как сын! Я разговаривал с ним, перед тем как его арестовали!

— И что с того?

— А то, что он заменил мне погибших сыновей, я же заменил ему отца и мать, тоже погибших в блокаде Ленинграде. У нас с Мишкой Шаманом не было друг от друга секретов. И если бы он действительно убил этого Зацепина, он бы мне об этом сказал. Вам — нет, мне — да! Вам бы он мог соврать, мне же никогда! — Лопатин выпрямился и грохнул по столу кулаком. — Мишка никого не убивал — и точка!

Лопатин тяжело встал, скривил лицо и, ухватившись за грудь, пошатнулся.

— Егор Митрофанович, ты чего? Может, врача? — Корнев тут же вскочил и шагнул было к Лопатину, но тот остановил полковника рукой.

— Сиди уже! Не нужно мне врача.

Лопатин отодвинул стол, расправил плечи, сквозь прищуренные глаза еще раз посмотрел на Кравцова, потом повернулся к Корневу и хрипло произнес:

— Эх! Ну спасибо тебе, Степан Ефимыч... за все спасибо, соседушка! А я ведь на тебя надеялся... — В этот момент Лопатин как-то странно преобразился, расправил плечи, вскинул голову и выпятил вперед нижнюю челюсть, и Звереву показалось, что беспробудный пьяница и доходяга исчез и перед ними снова стоял великий спортсмен, чемпион Кубка Петрограда и преданный своему делу заслуженный тренер.

Когда Лопатин, громко хлопнув дверью, вышел из кабинета, Корнев прокашлялся, потом покачал головой и хотел что-то сказать, но Зверев его опередил:

— Я все, конечно, понимаю, Степа, твой сосед хоть и пьяница, но человек уважаемый и заслуженный. Но и заслуженному человеку нельзя убийц выгораживать! С этим делом вроде как все ясно. Нож, кровь, отпечатки пальцев, показания свидетелей...

— Да знаю я это! Знаю и все понимаю, но вот оказия какая. — Корнев снова закашлялся, но тут же

продолжил: — Знаю я нашего Митрофановича уже много лет, он хоть с виду мужик и неказистый, но человек честный и правильный. Если он говорит, что верит парню, значит, так оно и есть. Одним словом, точку в этом деле мы поставим всегда успеем. Поэтому ты, Паша, ступай с Виктором Константиновичем, подключись к этому делу и разберись, что там и как! Если Ярушкин Зацепина убил, значит, пойдет под суд, а если нет...

Корнев снова закашлялся.

— Если простыл, так иди в медчасть...

— Да погоди ты...

Зверев фыркнул и встал с дивана.

— Ладно, не нуди. Пошли, что ли, Витек, послушаем, что там твои футболиеры скажут, раз уж нашему руководителю его сосед так дорог.

Зверев поманил за собой Кравцова, и они вышли из кабинета.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дав Корневу обещание разобраться в деле, Зверев особо не спешил. Он сходил в заводскую столовую, пообедал, съев два вторых и выпив два стакана клюквенного киселя. Потом посидел в курилке, выкурив пару сигарет, в компании с архивариусом управления Эмилией Эдуардовной Сониной, художавой пятидесятилетней женщиной с огромными

фиалковыми глазами. Эмилия Эдуардовна, завидев Зверева в курилке, тут же принялась рассказывать ему сюжет только что вышедшего на экраны фильма про подводников под названием «В мирные дни». Особо Эмилия Эдуардовна восхищалась прекрасной работой режиссера фильма, равно как и прекрасной игрой молодых актеров Тихонова и Юматова. Терпеливо выслушав описание первой половины сюжета, Зверев извинился и покинул Эмилию Эдуардовну, пообещав непременно вернуться к обсуждению данного фильма в ближайшее время.

После этого Зверев направился в лабораторию и взял у криминалиста Лени Мокришина тот самый нож, который был обнаружен на месте преступления. Завернув нож в газету, Зверев явился к Кравцову. Когда Павел Васильевич вошел в кабинет следователя, тот уже беседовал с очередным свидетелем.

Перед Кравцовым сидел светловолосый молодой мужчина с пристальным взглядом и волевым подбородком, на правой щеке у него был свежий кровоподтек. Отличная выправка незнакомца тут же бросилась Звереву в глаза. Наверняка воевал. Но не в пехоте, а где?.. Для танкиста высоковат, скорее всего — летчик или моряк. На вид собеседнику Кравцова было чуть больше тридцати. Лицо самое обычное: красавцем не назовешь, но именно таких

женщины обычно больше всего желают видеть рядом с собой по вечерам, рожать от них детей и при первой же возможности затаскивают в ЗАГС. Уверенный в себе, подтянутый и надежный, как скала.

Зверев, который обычно не был склонен к сантиментам и не привыкший церемониться, с ходу не стал вмешиваться в разговор. Он подошел к столу, выдвинул верхний ящик и положил туда завернутый в газету нож. После этого Павел Васильевич молча сел на стул справа от пока еще не знакомого ему свидетеля вчерашнего убийства.

Кравцов, которому явно не понравилось то, что Зверев так вольготно чувствует себя в его кабинете, покачал головой и, повернувшись к светловолосому, задал ему очередной вопрос:

— Значит, вы утверждаете, что инициатором драки был именно ваш игрок, а вовсе не Ярушкин?

Мужчина пожал плечами:

— Ну, это как посмотреть! Просто наш Юрка личность своеобразная. Вы же его видели — красавчик, ни дать ни взять. Себя считает неотразимым, и если уж ему кто приглянется...

И тут Павел Васильевич решил вступить в игру:

— Простите, а Юрка — это кто?

Светловолосый глянул на Зверева и тут же вопросительно посмотрел на Кравцова.

— Это майор Зверев. Начальник оперативного отдела. Это наше местное светило. Гений сыска,

так сказать, — не без сарказма сообщил Кравцов. — Прошу вас, если он будет задавать вам вопросы, пожалуйста, отвечайте.

Зверев скорчил рожу Кравцову и тут же насел на свидетеля:

— Вы уж простите меня, товарищ! Но давайте уж все по порядку и сначала. Если я правильно понял, вы игрок клуба «Труд»?

Светловолосый еще раз посмотрел на следователя, тот что-то буркнул себе под нос, встал и отошел к окну. Зверев тут же поднялся и занял место за столом.

— Совершенно верно! Карасев Василий Васильевич, игрок смоленского клуба «Труд». Проживаю в Смоленске, не судим... не привлекался... что там еще нужно в таких случаях говорить? — усмехнулся Карасев.

— Воевали? — прищурившись, поинтересовался Зверев.

— Нет!

— Тогда хотя бы служили?

— Не воевал и не служил!

Зверев напрягся. Выправка собеседника очень уж походила на военную. «Это надо же так ошибиться! Видимо, старею», — подумал Зверев.

— Работаете?

— Работаю!

— Кем?

— Экспедитором на хлебозаводе. А то, что не служил... Сами же понимаете, хороших спортсменов не всегда брали на фронт...

— Не брали. Если, конечно, они сами туда не стремились.

— Вы меня за это осуждаете?

— Никоим образом. Итак, давайте вернемся к вашему Юрке!

— Юра Липницкий! Наш главный бомбардир! Три гола, между прочим, забил!

— А вы сколько-нибудь забили?

Карасев снова взглянул на Кравцова, тот продолжал смотреть в окно, словно происходящее его не касалось.

— Я забил два! Я же говорил, что я хороший игрок...

— Вы нападающий?

— Правый полузащитник. Я часто подключаюсь к атаке, и, как видите, не зря! — с гордостью поведал Карасев.

— Хорошо! С голами мы разобрались, теперь перейдем к главному. Если я правильно понял, вы утверждаете, что драку затеял ваш нападающий Липницкий?

Карасев тихонько рассмеялся:

— Он ее спровоцировал.

Зверев подался вперед:

— Поясните.

— Все произошло из-за того, что Юрка стал в открытую флиртовать с той хорошенькой местной девицей.

— Значит, драка произошла из-за девушки?

— Эта девчонка, надо сказать, очень даже ничего. Липницкий сразу на нее глаз положил. Ярушкин, как только это понял, тут же к девушке подскочил, после чего, похоже, они поругались.

— Ярушкин и девица?

— Ну да! Ярушкин от девушки отошел, а Юрик наш тут как тут, здрастье пожалуйста, к ней тут же подкатил, они о чем-то поговорили, а потом танцевать пошли.

— А вы при этом за ними все время наблюдали?

— Так интересно же!

— Хорошо, продолжайте.

— Ну потанцевали они, девица вроде бы как на место хотела пойти, а Юрка ее удержал — что-то на ухо шепчет, улыбается. Тут уже Ярушкин этого не выдержал, подошел к Липницкому и что-то сказал...

— Что сказал?

— Этого я не знаю, но определенно не прическу его стал нахваливать. Когда эти «петушки» к выходу пошли, я сразу понял, что сейчас заварушка будет.

— И из любопытства направились следом?

Карасев пожал плечами:

— Я вам так скажу, товарищ майор, мне наш Юрка Липницкий как человек не особо симпатичен, но мы

ведь все-таки одна команда. А команда своих в беде не бросает. Когда мы увидели, что вслед за Ярушкиным все его дружки потянулись, то тоже к выходу пошли.

— А кто конкретно? Назовите фамилии!

— Рузов, оба Черенковы, Лебедев, Михальченко, да все! Вся наша команда побежала. Местные футболисты, поняв, что что-то назревает, тоже повалили в лесок. А ведь Жбан нас предупреждал. После того как местные продули, можем и нарваться. Как в воду смотрел.

— Жбан — это ваш тренер? — уточнил Зверев.

— Он! Жбанов Александр Александрович, мы его в лицо Сан Санычем зовем, а за глаза Жбаном. Хотя бывает и не за глаза. Он не обижается, нормальный мужик. Так вот я и говорю. У выхода давка, билетерша орет, я когда на месте оказался, Липницкий с Ярушкиным уже дрались.

Зверев вынул из стола завернутый в газету нож.

— Вы видели в руках у Ярушкина вот этот нож?

— Лично я ножа не видел. Ни этого, ни какого другого. Они дрались один на один, как говорится, все честь по чести. И молодой этот, надо сказать, умело кулаками махал, но куда ему с Юркой Липницким тягаться. Тот ведь, кроме всего прочего, еще и перворазрядник по боксу. Так вот, повозился с ним Юрка и поймал на встречный. Ярушкин рухнул как

подкошенный, а эти щеглы тут же на Юрку набросились.

— Кто набросился? Вы, я так полагаю, сейчас имеете в виду не одноклубников Ярушкина, а местную шпану.

— Их, кого же еще! Мы, когда эти сопляки Липницкого повалили, уж ждать ничего не стали, налетели на местных, а вслед за нами и спартаковцы включились. Кто-то разнимать пытался, а кто-то тут же стал кулаками махать. Короче, такая свистопляска пошла, что не сразу разберешь, кто за кого и с кем. — Карасев усмехнулся и потрогал отекающую скулу. — Их по двое-трое на каждого нашего приходилось, и вот он — результат.

Зверев изобразил, что понимает, и задал очередной вопрос:

— Скажите, а после того как Липницкий упал, он тут же встал или остался лежать?

— Не знаю, когда началась драка, я смотрел только на тех, кто стоял передо мной. Сами же, наверное, представляете, как это бывает.

— Полагаю, спрашивать у вас, видели ли вы, с кем непосредственно дрался Зацепин, не имеет смысла? Он точно в драке участвовал?

— Участвовал. А вот кто против него стоял... Тут уж извините, темно было.

Поблагодарив Карасева, Зверев попрощался с ним и попросил Кравцова пригласить следующего свиде-

теля. Им оказался вратарь смоленской команды. Не меньше метра девяносто, чернявый и сухопарый, Андрей Геннадьевич Михальченко вошел в кабинет и занял место, где только что сидел Карасев. Этому в драке досталось определенно больше. Под левым глазом у мужчины красовался огромный синяк. Правая рука была загипсована и висела на лямке.

Так же, как и полузащитник Карасев, вратарь смолян тоже не понравился Звереву. Дерганный и всем недовольный, он с ходу начал возмущаться:

— Ну наконец-то, а то сижу у вас тут уже второй час, а у меня, между прочим, рука сломана! Да-да! — Михальченко приподнял руку, демонстрируя свеженаложенный гипс. — Сначала эти уроды меня поломали, а теперь еще и вы надо мной измываетесь! Допросы, расспросы, следственные эксперименты! Юрка Липницкий в своем стиле! Охмурил малолетку, а нам всем из-за него отдуваться пришлось! Я сам бы в драку ни за что не полез, если бы не Димка Кобзин! Это он у нас задиристый, а я нет. «Пошли, говорит, там сейчас такое начнется!» А что начнется? Мне уже тридцать семь, у меня жена и два сына. В детстве я, конечно, тоже любил кулаками помахать, а сейчас все эти выяснения отношений мне до смерти не нужны. Димка меня и на танцы эти затащил, он же, гад, меня и в кусты потащил,

а я, дурак, и пошел. Лучше бы я в гостинице остался да книжку почитал, нужны мне были эти танцы, а теперь вот. — Михальченко снова принялся демонстрировать загипсованную руку. — Сколько времени кость срастаться будет? Минимум месяц! А что это значит? Я ни играть теперь, ни работать не смогу. А все из-за чего? Из-за того, что Юрочка наш куколку смазливую решил окрутить. Чтоб ему пусто было! Лучше бы его одного местные отметили, а так всем досталось. Ой... Не хотел ведь я на эти танцульки идти! Так ведь пошел!

Зверев, которому уже надоело верещание собеседника, указал на лежавший на столе Корнева нож:

— Вы видели в руках Ярушкина вот этот нож?

— Да ничего я не видел. Какой-то нож был. Все о нем говорят.

— А кто конкретно говорит?

— Да наши все. Раз Зацепина порезали, значит, был нож. Говорят, что местные нож опознали, он якобы Ярушкину принадлежит. А раз его нож, стало быть, он убил! Какие тут сомнения?

Зверев поморщился, посмотрел на Кравцова, на этот раз тот внимательно слушал показания свидетеля и с недовольным видом качал головой.

— Ну свои суждения вы изложили, а уж выводы, извините, мы сами будем делать, — сказал Зверев. — Тем не менее ножа в руках Ярушкина вы не видели, и именно так будет записано в протоколе!